

Кулсариева А.Т. *1

¹Доктор философских наук, профессор-исследователь, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, г. Алматы, Казахстан
E-mail: akulsariyeva@gmail.com

ПОЛИТИКА МОДЕРНИЗАЦИИ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ В КАЗАХСТАНЕ: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация

В статье рассматриваются процессы модернизации и конструирования ценностей в Казахстане в контексте социально-исторического анализа. Исследование базируется на сочетании историко-социального подхода, контент- и интент-анализа стратегических документов, данных массовых опросов (включая World Values Survey), а также кейсового анализа протестных мобилизаций, электоральных кампаний и институциональных реформ. Выявлено, что официальная символическая политика, начиная с середины 1990-х годов, формировала ценностный каркас модернизационного дискурса через триаду «стабильность – развитие – единство», постепенно трансформировавшуюся в более гибридные конструкции с акцентом на инновации и глобальную конкурентоспособность. Результаты анализа показывают, что в обществе сохраняется сложное сочетание традиционных и модернизационных установок, проявляющееся в устойчивости коллективистских практик и одновременно росте постматериалистических ориентаций молодежи. Сравнительный анализ международного опыта (Восточная Азия, Восточная Европа, Центральная Азия) подтвердил ключевую роль согласования универсальных ценностей с локальной культурной спецификой. Делается вывод, что устойчивость модернизационных стратегий в Казахстане зависит от способности интегрировать институциональные реформы с символической политикой и учитывать разнообразие социальных ожиданий.

Ключевые слова: модернизация, ценности, идентичность, символическая политика, Казахстан.

Кулсариева А.Т. *1

¹Философия ғылымдарының докторы, профессор-зерттеуші,
Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті, Алматы қ., Қазақстан
E-mail: akulsariyeva@gmail.com

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ МОДЕРНИЗАЦИЯ САЯСАТЫ МЕН ҚҰНДЫЛЫҚТАРДЫ ҚҰРУ: ӘЛЕУМЕТТІК-ТАРИХИ ТАЛДАУ

Аңдатпа

Мақалада Қазақстандағы жаңғырту үдерістері мен құндылықтарды конструциялау әлеуметтік-тарихи тұрғыдан талданады. Зерттеу тарихи-әлеуметтік әдісті, стратегиялық құжаттарға контенттік және интент-талдауды, жаппай сауалнамалардың деректерін (оның ішінде World Values Survey), сондай-ақ саяси оқиғалардың (қарсылық мобилизациялары, сайлау науқандары, институционалдық реформалар) кейстік талдауын қамтиды. Нәтижелер көрсеткендей, 1990-жылдардың ортасынан бастап ресми символдық саясат модернизациялық дискурс құндылықтық қаңқасын қалыптастырды, ол бастапқы «тұрақтылық – даму – бірлік» үштігінен инновациялар мен жаһандық бәсекеге қабілеттілікке бағытталған күрделі гибридік құрылымдарға айналды. Талдау қазақстандық қоғамда дәстүрлі және жаңғыртушы бағдарлардың күрделі үйлесімін сақтап отырғанын көрсетті: бір жағынан, ұжымшылдық тәжірибелер тұрақтылығы, екінші жағынан, жастар арасында

постматериалистік бағдарлардың өсуі байқалады. Шығыс Азия, Шығыс Еуропа және Орталық Азия тәжірибелерін салыстырмалы талдау әмбебап құндылықтарды жергілікті мәдени ерекшеліктермен үйлестірудің маңыздылығын айқындады. Қорытындысында Қазақстандағы жаңғырту стратегияларының тұрақтылығы институционалдық реформаларды символдық саясатпен байланыстыру және әлеуметтік күтулердің алуандығын ескеру қабілетіне тәуелді екендігі атап өтіледі.

Кілт сөздер: жаңғырту, құндылықтар, бірегейлік, символдық саясат, Қазақстан

Kulsariyeva A.T. *¹

¹*Doctor of Philosophy, Research Professor,
Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Kazakhstan
E-mail: akulsariyeva@gmail.com*

MODERNIZATION POLICY AND VALUE CONSTRUCTION IN KAZAKHSTAN: A SOCIO-HISTORICAL ANALYSIS

Abstract

The article examines modernization and value construction processes in Kazakhstan within a socio-historical framework. The research employs a combination of historical-social analysis, content and intent analysis of strategic documents, survey data (including the World Values Survey), and case studies of protest mobilizations, electoral campaigns, and institutional reforms. Findings reveal that since the mid-1990s, the official symbolic policy has shaped the value framework of modernization discourse through the triad “stability – development – unity,” which gradually evolved into hybrid constructions emphasizing innovation and global competitiveness. The results indicate that Kazakhstani society maintains a complex combination of traditional and modernization-oriented values, reflected in the persistence of collectivist practices and the growing post-materialist orientations among youth. A comparative analysis of international experiences (East Asia, Eastern Europe, Central Asia) highlights the critical importance of aligning universal values with local cultural specificities. The study concludes that the sustainability of modernization strategies in Kazakhstan depends on the ability to integrate institutional reforms with symbolic policy while addressing diverse social expectations.

Keywords: modernization, values, identity, symbolic policy, Kazakhstan

Введение

Современные трансформационные процессы, охватывающие постсоветское пространство, в особенности Казахстан, демонстрируют, что модернизация не может рассматриваться исключительно в терминах экономического роста или политических реформ. Она выступает как комплексный феномен, включающий институциональные, социальные и культурно-ценностные преобразования. Именно ценностное измерение придаёт модернизационным проектам долгосрочную устойчивость, позволяя им выходить за рамки краткосрочных управленческих задач и становиться частью общественного развития [1]. В условиях глобализации и усиливающихся вызовов, связанных с социокультурной идентичностью, Казахстан оказался перед необходимостью выработки новой парадигмы ценностной политики, которая сочетала бы национальные традиции и универсальные модернизационные ориентиры.

Особое место в этом контексте занимает программа «Рухани жаңғыру», инициированная в 2017 году и ставшая стратегическим проектом по формированию национальной идентичности, ориентированной на устойчивое развитие в условиях глобальных перемен. Заявленные шесть направлений программы – от модернизации общественного сознания и продвижения национальной культуры до развития региональных проектов – были нацелены на то, чтобы создать основу для обновлённой системы ценностей, способной объединить общество и адаптировать его к мировым вызовам. При этом «Рухани жаңғыру» не стала изолированным явлением: её следует

рассматривать как важный этап в эволюции государственной политики модернизации, которая с середины 1990-х годов постепенно формировала институциональные и символические механизмы конструирования ценностей в Казахстане [2].

Актуальность исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, ценностные установки общества являются индикатором эффективности модернизационных процессов: они отражают уровень восприятия и степень интериоризации стратегических ориентиров в массовом сознании. Во-вторых, политические события последнего десятилетия – реформы государственного управления, транзит власти, рост гражданской активности и протестные мобилизации – показали, что ценности и социальные паттерны не являются статичными, а подвергаются постоянному переопределению под воздействием внешних и внутренних факторов [3]. В-третьих, глобальная динамика модернизационных процессов задаёт сравнительный контекст, в котором казахстанский опыт должен быть рассмотрен в сопоставлении с международными практиками: это позволяет выявить универсальные закономерности и уникальные особенности локальной траектории [4].

Научная значимость работы заключается в том, что в ней предпринимается системный социально-исторический анализ эволюции ценностных установок и социальных паттернов в Казахстане в период 1995-2025 годов с опорой на широкий методологический инструментарий. Используются материалы социологических опросов [5], данные форсайтных исследований 2020 и 2025 годов, результаты контент-анализа публичных речей и стратегических документов государственных органов, а также сравнительный анализ международного опыта модернизационной политики. Такой подход позволяет реконструировать целостную картину трансформаций, выявить взаимосвязь между политическими событиями, институциональными изменениями и динамикой ценностей в обществе. Научная новизна исследования проявляется в выявлении дискурсивных практик конструирования ценностей, в определении их роли в социальной консолидации и в разработке методологических основ для дальнейшего анализа модернизационных стратегий в постсоветских обществах.

Цель исследования заключается в выявлении динамики ценностных трансформаций и поведенческих паттернов в Казахстане в условиях политики модернизации и в определении степени их взаимосвязи с политическими и социальными изменениями последних трёх десятилетий.

Для достижения этой цели предполагается решение ряда *задач*:

Проследить эволюцию ценностных установок в казахстанском обществе на основе социологических исследований и вторичных источников за период 1995-2025 годов.

Реконструировать дизайн ценностных ориентиров различных социальных групп по результатам форсайтных проектов.

Выявить доминирующие дискурсивные практики в публичных речах, официальных документах и отчётах государственных органов.

Провести теоретико-методологический анализ международного опыта модернизации и определить возможности его применения в казахстанском контексте.

Исследовать влияние политических событий на формирование социальных практик и моделей поведения с использованием кейсового подхода.

Таким образом, данное исследование направлено на комплексное осмысление роли политики модернизации в конструировании ценностей казахстанского общества. Оно позволяет выявить закономерности и противоречия ценностных трансформаций, определить их связь с политической и социальной историей страны, а также предложить концептуальные основания для совершенствования государственной политики в области модернизации и продвижения ценностей.

Методология исследования

Методологическая основа работы строится на междисциплинарном подходе, предполагающем интеграцию социально-исторического, социологического,

политологического и культурологического анализа. Центральным принципом является триангуляция, которая позволяет сопоставлять данные различных типов – количественные показатели массовых опросов, качественные дискурсивные материалы, исторические источники и прогнозные сценарии. Такой подход обеспечивает комплексность и достоверность анализа ценностных трансформаций. В качестве теоретической рамки использованы концепции модернизации, рассматривающие институциональные и социальные изменения в их взаимосвязи [6; 7], теория ценностных сдвигов [8], объясняющая движение от материалистических к постматериалистическим ориентирам, концепция социальной памяти [9], позволяющая выявлять механизмы сохранения и переосмысления традиций, а также идеи символической политики и культурной репрезентации [10;11], подчеркивающие роль дискурсивных практик и аффективных структур в формировании идентичности. Методологический выбор обусловлен необходимостью связать макроуровневые процессы модернизации и институциональные реформы с микроуровнем повседневных практик и ценностных ориентаций, что позволяет реконструировать целостную картину социального развития Казахстана в 1995-2025 годах.

Обзор научной литературы

Исследование процессов модернизации и конструирования ценностей в Казахстане за последние годы опирается на широкий корпус отечественных и зарубежных публикаций, демонстрирующих переход от описательных моделей к углубленному анализу ценностных режимов, их институциональной поддержки и символического закрепления. Современные эмпирические исследования подтверждают, что в постсоветском Казахстане наблюдается сложная динамика сочетания традиционных и модернизационных ориентаций. Так, в работах Бурибаева Е.А. и соавт. [12] показано, что у молодежи усиливается тяготение к постматериалистическим ориентирам, связанным с самореализацией и социальной мобильностью, при сохранении высокой значимости семейных и коллективистских ценностей. Похожие тенденции выявляет Садвокасова А.Ж. [3], фиксируя запрос на участие, справедливость и прозрачность при сохранении устойчивых паттернов локальной общинности. Эти выводы согласуются с теорией ценностных сдвигов Инглхарт Р. [8], но при этом подчеркивают гибридный характер казахстанского общества, в котором новые ценностные притязания сосуществуют с устойчивыми традиционными опорами.

Исследования государственных стратегий и символической политики указывают, что формирование национальной идентичности осуществляется через нарративные конструкции и дискурсивные практики. Работы Лэнда С., Нифая Дж.Э. и Кортни М. Г. [13] демонстрируют, что стратегические повествования о «Новом шелковом пути» служат не только инструментом внешнеполитического позиционирования, но и способом артикуляции внутренних ценностных ориентиров. В то же время Волхонский М.А [14] выявляет, что историческая политика Казахстана, транслируемая в пространстве сопредельных регионов России, отражает конкуренцию за символические ресурсы и память. Подобные исследования подтверждают, что официальные ценностные проекты во многом опережают общественную интериоризацию и нередко носят декларативный характер, что приводит к расхождениям между государственными лозунгами и реальными практиками.

Значительное внимание уделяется языковым идеологиям и образовательным медиумам как каналам трансляции ценностей. Анализ многоязычной среды университетов с англоязычным обучением показывает формирование у студентов многослойных идентичностей, соединяющих национальное, профессиональное и глобальное измерения [15]. Исследование школьных учебников, выполненное Дуррани Н. и коллегами [16], выявило закрепление гендерных иерархий и нормативных сценариев, через которые транслируются социальные роли и модели гражданственности. В свою очередь, анализ социальных сетей фиксирует рост аффективного языкового патриотизма и усиление дискурсов «говори по-казахски», что одновременно отражает прагматику карьерной мобильности и формирование новой национальной идентичности [15]. Эти работы

показывают, что языковая политика и образовательное содержание выступают не только техническими средствами, но и ключевыми медиумами ценностной социализации.

Пространственно-архитектурный уровень также приобретает всё большее значение в исследованиях идентичности. Абдрахимова Г.С. [17] показывает, что архитектура и городское планирование Алматы выполняют роль «материального носителя» ценностей, формируя чувство принадлежности и поддерживая культурный диалог. Пространство города становится своеобразным учебником гражданственности, где успешные практики проявляются там, где архитектурные формы создают условия для открытости и доступности. В более широком контексте Жумашева А. Б. [2] указывает, что модернизационные вызовы XXI века требуют сочетания институциональных и символических решений, что делает работу с пространством, культурой и коммуникацией столь же значимой, как и политико-экономические реформы.

Региональная и международная перспектива представлена в работах о евразийской интеграции и внешних инфраструктурных проектах. Церква Д., Летта Э., Отранто Э. [18] показывают, что интеграционные процессы обладают ограниченной эффективностью, так как формальные институты часто не совпадают с локальными ожиданиями и ценностными структурами. Исследования Рентшлер К., Картер С., Лин Х. [19] о Транскаспийском коридоре демонстрируют, что инфраструктурные решения интерпретируются в общественном сознании как символы открытости, мобильности и участия в глобальных потоках, но при этом воспринимаются и как источники рисков. Пелиццо Р. [20] фиксирует важность кросс-бордерного медиапотребления, которое становится фактором конкуренции нарративов и ценностных норм, определяя структуру доверия и ориентации на внешние культурные центры.

Особое место занимает исследование казахской диаспоры в Центральной Азии, выполненное Нурбек А., Калашникова Е., Туран М. [21], которое выявляет, что механизмы поддержания национальной идентичности действуют не только внутри страны, но и в транснациональном пространстве. Диаспоральные сообщества вносят обратное влияние на формирование стандартов «нормальной» жизни, образовательных траекторий и культурных практик, что делает конструирование ценностей полицентричным процессом.

Сравнительные исследования региона подтверждают, что Казахстан развивается в условиях дивергентных траекторий модернизации Центральной Азии. Серикжанова Г. [22] подчеркивает, что различия в политических культурах Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана связаны прежде всего с качеством коммуникации между государством и обществом, а также с особенностями национальных «социальных договоров». Это наблюдение согласуется с выводами Садвокасовой А. [23] о восприятии гражданской и этнической идентичности внутри Казахстана.

В сумме весь корпус публикаций последних пяти лет рисует гибридную траекторию ценностных трансформаций: рост притязаний на участие, справедливость и мобильность сочетается с устойчивостью традиционных опор – семьи, общинности и культурного наследия. Исследования подчеркивают, что эффективность модернизационной повестки во многом определяется тем, насколько символическая политика и государственные нарративы трансформируются из уровня деклараций в уровень повседневных практик – образования, труда, городской жизни и гражданского участия. Внешние рамки – интеграции, инфраструктурные коридоры, кросс-бордерные медиа – усиливают конкуренцию норм и образов будущего, что требует более диалогового и инклюзивного подхода к конструированию ценностей. Таким образом, обзор научной литературы демонстрирует, что в условиях постсоветской модернизации Казахстан представляет собой пример общества, в котором официальные стратегии и социальные практики находятся в сложном взаимодействии, формируя уникальную модель ценностного развития, сочетающую элементы традиционного и глобального мировоззрения.

Методы исследования

Реализация методологических установок потребовала применения комплекса исследовательских методов, обеспечивающих возможность выявления как динамики ценностных ориентаций, так и механизмов их конструирования в общественном сознании. В первую очередь был задействован историко-социальный анализ, позволивший реконструировать этапы модернизационного развития Казахстана и соотнести их с изменениями в структуре ценностей, что соответствовало задаче прослеживания долгосрочной динамики ценностных трансформаций. Контент- и интент-анализ официальных стратегических документов, программных речей и медийных материалов обеспечил выявление дискурсивных конструкций, через которые артикулировалась государственная ценностная политика, и позволил интерпретировать интенциональные цели их трансляции; данный методологический блок был напрямую связан с задачей анализа символической политики и механизмов легитимации модернизационной повестки. Анализ данных массовых опросов, включая седьмую волну **World Values Survey** [24], а также результаты исследований отечественных институтов – **Фонда им. Ф. Эберта** [25] и **Казахстанского института общественного развития** [26] – позволил сопоставить ценностные ориентации различных социальных групп и отследить их эволюцию во времени, что обеспечило эмпирическую базу для выявления возрастных, региональных и гендерных различий в ценностных установках. Для проектирования возможных сценариев будущего были привлечены материалы **Форсайт-исследования Казахстан-2050** [27] и предварительные разработки **Rapid-Форсайта 2025** [28], позволившие смоделировать альтернативные траектории развития ценностной структуры общества и их институциональные последствия. Кейсовый подход применялся для изучения конкретных политических событий – протестных мобилизаций (январь 2022 года), электоральных кампаний и институциональных реформ, что обеспечивало углублённый анализ связи между макроуровневыми институциональными изменениями и микроуровневыми практиками. Дополнительным инструментом выступил сравнительный анализ, позволивший сопоставить казахстанскую траекторию модернизации с опытом Восточной Азии, Восточной Европы и Центральной Азии, где ценностные изменения также сопровождали институциональные реформы [29;30]. Совокупность применённых методов обеспечила многомерность и комплексность исследования, позволив увязать институциональные, культурные и социальные измерения ценностных трансформаций.

Результаты и обсуждение

Трансформация ценностных установок казахстанского общества за тридцать лет независимости представляет собой процесс, в котором социально-экономические изменения, институциональные реформы и политические события тесно переплетались с культурными и символическими практиками. Уже в середине 1990-х годов, когда формировались базовые контуры новой государственности, в массовом сознании доминировали установки, связанные с выживанием и социальной стабильностью. Экономический кризис, социальная неопределённость, резкое падение уровня жизни обуславливали высокую значимость таких ценностей, как безопасность, материальное благополучие и сохранение семьи [3]. Социологические исследования показывали, что ключевым ресурсом адаптации оставалась семья, а не государственные институты, которым доверие было крайне низким.

В начале 2000-х годов, на фоне экономического роста и укрепления среднего класса, ценностный горизонт общества начал постепенно смещаться от ориентаций на выживание к ориентациям на развитие. Появление нового среднего класса, рост возможностей в сфере образования и профессиональной карьеры способствовали формированию индивидуалистических установок, связанных с самореализацией и карьерным продвижением [12]. При этом сохранялась высокая значимость коллективистских практик, что указывает на устойчивую гибридность казахстанского общества.

Особое значение в этот период приобрело образование. По данным национальных опросов и сравнительных исследований, именно получение качественного образования рассматривалось как главный канал социальной мобильности и залог успешного будущего [20]. При этом, несмотря на рост индивидуалистических притязаний, сохранялась высокая роль семьи и локальной солидарности, что подтверждается и результатами международных исследований ценностей [24].

В 2010-е годы ценностные установки общества всё более насыщались ориентирами, связанными с культурной модернизацией и национальной идентичностью. Программы «Казахстан-2050» и особенно «Рухани жаңғыру» задали символическую рамку, в которой модернизация стала пониматься не только как экономический процесс, но и как духовное и культурное обновление [14]. В массовом дискурсе укрепились категории «наследие», «духовность», «современность», что нашло отражение как в официальных документах, так и в общественных дебатах. Социологические исследования показывали, что значительная часть населения воспринимала данные программы скорее как символическую инициативу, нежели как практический инструмент изменения жизни [14]. Тем не менее они сыграли роль катализатора в легитимации новой системы ценностных координат, в которой национальная культура стала рассматриваться как ресурс для устойчивого развития и конкурентоспособности.

Параллельно в обществе укреплялись ценности, связанные с цифровизацией, глобальной мобильностью и открытостью. Особенно это характерно для молодёжи, которая всё чаще формировала идентичность на пересечении национального и глобального измерений. Данные седьмой волны *World Values Survey* фиксируют рост значимости самовыражения, индивидуальной свободы и образования среди казахстанской молодёжи при сохранении высокой значимости семейных ценностей [24; 23].

Ситуация 2020-2025 годов выявила новые противоречия и акценты. Пандемия, социально-политические кризисы и протестные мобилизации обострили вопрос доверия к государственным институтам и справедливости социальных отношений. В массовом сознании усилился запрос на прозрачность, равенство возможностей и гражданское участие. Согласно исследованиям Казахстанского института общественного развития и международным сопоставлениям, около половины респондентов в 2021-2023 годах считали важнейшей ценностью справедливость [2;12]. При этом сохраняется высокий приоритет семьи и традиций, что подтверждает устойчивость базовых опор общества.

Таким образом, динамика ценностных установок в Казахстане за тридцать лет демонстрирует постепенный сдвиг от ориентаций на выживание к ориентациям на самореализацию и участие, но этот процесс имеет гибридный характер, где традиционные ценности сохраняются и переплетаются с новыми [3; 17]. Государственные программы модернизации сыграли важную роль в символическом закреплении новых ориентиров, однако степень их интериоризации в массовом сознании остаётся ограниченной [13]. В сравнении с международным контекстом Казахстан демонстрирует уникальную траекторию: если Восточная Европа характеризуется более быстрым отходом от традиционных норм, то Казахстан ближе к восточноазиатской модели, где модернизация строится на сочетании традиции и инноваций [4; 19].

Эта двойственность создаёт необходимость обращения к более детализированным аналитическим инструментам, позволяющим уловить скрытые механизмы ценностных сдвигов. Именно поэтому анализ форсайтных исследований, проведённых в Казахстане в 2020 году и дополненных сценарными разработками Rapid-Форсайта 2025 года, позволил выявить более нюансированную картину ценностных ориентиров, свойственных различным социальным группам. Эти проекты исходили из предположения, что ценности не являются статичными структурами, а динамически меняются под воздействием институциональных реформ, технологических новаций и глобальных вызовов. В молодежной среде наиболее устойчиво проявлялись ориентации на самореализацию, инновации и мобильность. Участники форсайта отмечали, что в условиях цифровизации и

глобальной открытости ключевыми ценностями становятся доступ к знаниям и справедливость социальных лифтов, что согласуется с выводами о росте постматериалистических ориентаций в казахстанской молодежи [12]. Молодые респонденты активно артикулировали значимость цифровой свободы и равного доступа к возможностям, при этом интегрировали национальное наследие как ресурс глобальной конкурентоспособности [3].

Среднее поколение, занятое в экономике и управлении, демонстрировало амбивалентные установки: ориентацию на стабильность и профессиональную успешность в сочетании с растущим интересом к ценностям участия и социальной справедливости. Эти тенденции подтверждаются в исследованиях восприятия идентичности и стратегических нарративов, фиксирующих рост значимости доверия и институциональной защищённости [13]. Для этой группы модернизационные инициативы воспринимались как необходимость адаптации к глобальным условиям без утраты национальной идентичности, что согласуется с результатами исследований по транснациональным связям и диаспорам, показывающим важность расширенного понятия казахстанскости [21].

Старшее поколение сохраняло преимущественную ориентацию на традиционные ценности: значимость семьи, уважение к старшим и сохранение национального языка. При этом фиксировалась тенденция к адаптации этих традиций к новым условиям, в частности через образовательные и культурные проекты, а также цифровые медиумы. Это согласуется с выводами о том, что языковая политика и культурная преемственность становятся ключевыми механизмами ценностной социализации [15;31].

Региональный разрез показал важные различия. В крупных городах – Астане, Алматы и Шымкенте – преобладали модернизационные установки, связанные с индивидуализацией и глобальными связями. Здесь выше запрос на карьерную мобильность, предпринимательство и цифровые навыки. В сельских регионах сохранялся акцент на коллективизм и традиции, однако и здесь фиксировался рост интереса к образованию и цифровым компетенциям [2]. Форсайтные обсуждения показали, что именно региональные различия могут стать источником как ценностного многообразия, так и потенциальных напряжений, если государственная политика не будет учитывать специфику локальных контекстов.

Особое внимание уделялось гендерным различиям. Женщины чаще подчеркивали значимость равенства возможностей, социальной справедливости и баланса между семьей и карьерой. Эти тенденции подтверждают исследования образовательного контента, показывающие, что гендерные нормы в учебниках и дискурсах остаются одним из ключевых каналов закрепления ценностей [16]. При этом в традиционных сообществах сохранялись установки, поддерживающие устойчивые культурные ожидания в отношении гендерных ролей.

Форсайтные сценарии 2025 года моделировали несколько траекторий ценностных трансформаций. Оптимистичный сценарий предполагал рост гражданской активности и укрепление ценностей участия. Консервативный акцентировал сохранение традиционных оснований и приоритет стабильности. Наибольшую поддержку получил реалистичный сценарий, исходящий из гибридной модели: сохранение традиционных ценностей при интеграции новых установок, связанных с цифровизацией и глобальными вызовами. Этот вывод согласуется с международными сопоставлениями, указывающими на схожую гибридность в Восточной Азии, где модернизация протекала в форме адаптации традиций, а не их вытеснения [4].

Интерпретация этих данных позволяет заключить, что ценностные ориентиры формируются дифференцированно по социальным группам и регионам, а это требует от государственной политики большей адресности и диалогичности. Унификация дискурсов сверху не обеспечивает глубокой интериоризации, тогда как признание многообразия ценностей и их интеграция в политику через механизмы форсайта и участия могут повысить устойчивость модернизационных процессов.

Эти выводы непосредственно коррелируют с анализом официального дискурса, который на протяжении трёх десятилетий задавал рамки интерпретации ценностей и формировал символический каркас модернизации. Анализ публичных речей первых лиц государства, официальных посланий и программных документов, начиная с середины 1990-х годов, показывает, что конструирование ценностей в Казахстане опиралось на стратегию институциональной артикуляции национальной идентичности через язык символической политики. Уже в ранних докладах и посланиях прослеживалась ориентация на триаду «стабильность – развитие – единство», которая со временем трансформировалась в более гибридные конструкции, интегрирующие мотивы инноваций, глобальной конкурентоспособности и культурной преемственности. Дискурсивный анализ материалов «Рухани жаңғыру» выявил доминирование таких понятий, как «модернизация сознания», «национальный код», «открытость миру» и «духовные скрепы», что согласуется с выявленными в исследовании Жумашевой А.К. [2] характеристиками символического языка стратегий развития.

Семантическое поле этих дискурсов конструировалось как баланс между традиционными маркерами идентичности (язык, культура, история) и универсальными категориями глобальной модернизации (инновации, цифровизация, конкурентоспособность). Этот баланс, однако, не всегда оказывался устойчивым: в отдельных случаях наблюдалось противоречие между декларативным акцентом на универсальные ценности и практикой их адаптации к локальному контексту. Подобные противоречия были отмечены и в сравнительных исследованиях, посвящённых образовательным и культурным стратегиям стран постсоветского региона, где модернизация часто сопровождалась двойным дискурсом – ориентированным одновременно на глобализацию и на сохранение культурного суверенитета [32; 1].

Контент-анализ документов «Рухани жаңғыру» и последующих региональных инициатив показал, что ключевой приём символической политики заключался в мобилизации исторических и культурных символов для придания легитимности модернизационным проектам. При этом использование таких категорий, как «предки», «духовное наследие» или «сакральная география», соседствовало с прагматическими лозунгами о необходимости цифровой грамотности и инновационного развития [3]. Такая многослойность языка политики отражает попытку государства одновременно говорить на языке традиции и модернизации, что делает дискурс гибридным и в то же время уязвимым для критики в части его внутренней согласованности.

Интен-анализ выявил, что стратегические документы не ограничивались фиксацией целей модернизации, но стремились встроить их в эмоционально-насыщенные нарративы, ориентированные на формирование коллективного чувства сопричастности и моральной ответственности. Так, призыв к «обновлению сознания» конструировался не только как рациональная необходимость социально-экономического развития, но и как моральный долг перед будущими поколениями, что превращало модернизационную повестку в этически маркированный дискурс. При этом в риторике акцентировалась не только позитивная перспектива модернизации, но и угроза её отсутствия, формулируемая в категориях стагнации и потери национального будущего. Подобная двойная стратегия апелляции – к надежде и к страху – соответствует описанным в исследованиях Ахмед С. механизмам «политики аффекта», где эмоциональная мобилизация выступает центральным условием легитимации общественных трансформаций в публичной сфере [33].

Особое значение имели региональные дискурсы, где национальные инициативы адаптировались к локальным условиям. В официальных отчётах региональных проектных офисов фиксировалась акцентуация на локальные ценности и культурные особенности, что подтверждает выводы о неоднородности реализации модернизационных инициатив [15]. В то время как в крупных центрах дискурс акцентировал глобальные перспективы, в сельских регионах центральное место занимали темы социальной справедливости, сохранения языка и межпоколенческой преемственности.

Таким образом, дискурсивные практики, применявшиеся государственными органами, выполняли функцию формирования рамки ценностного восприятия модернизационных инициатив, но их эффективность зависела от способности сочетать универсальные ориентиры с локальными ожиданиями. Сравнительный анализ показывает, что именно успешное согласование этих уровней обеспечивает устойчивость модернизационных стратегий. В противном случае возникает риск риторического рассогласования, когда ценности, транслируемые сверху, не находят отклика в массовом сознании, что, как отмечают исследования последних лет, становится одной из ключевых проблем в постсоветских модернизационных проектах [34;13].

Для того чтобы глубже понять логику подобных процессов, целесообразно обратиться к международным примерам, где баланс универсальных ценностей и локальной культурной специфики оказался решающим фактором успеха. Сравнительный анализ международного опыта модернизации показывает, что процессы конструирования ценностей всегда связаны с балансом между универсальными ориентирами и локальной культурной спецификой. В странах Восточной Азии модернизационные стратегии во многом опирались на интеграцию экономических реформ с системой традиционных ценностей: так, в Южной Корее и Сингапуре дискурс модернизации строился на конфуцианских принципах дисциплины, коллективизма и почтения к образованию, которые были трансформированы в базу для формирования общества знаний [1]. Эти примеры показывают, что успешная модернизация требует не отказа от культурной традиции, а её стратегической переинтерпретации в современных условиях.

В странах Центральной и Восточной Европы, напротив, модернизация после 1990-х годов сопровождалась активным заимствованием западных институциональных моделей и ценностных ориентиров, что вело к ускоренной интеграции в структуры ЕС, но в то же время порождало кризисы идентичности. В исследованиях **Найта Д.** [32] подчеркивается, что именно несогласованность ценностной трансформации и институционального заимствования стала фактором политической нестабильности и роста популистских движений. В этом отношении казахстанский опыт оказывается промежуточным: он сочетает элементы институционального заимствования (например, образовательные реформы по западным моделям) с попыткой удержать национально-культурное ядро, что делает модернизационный дискурс внутренне противоречивым, но и более устойчивым в долгосрочной перспективе.

Сравнительные исследования в области образования и культурной политики фиксируют, что в условиях глобализации ключевым ресурсом модернизации становится способность к культурному переводу универсальных ценностей в язык локальной традиции [35]. В этом контексте Казахстан, выстраивая стратегию «Рухани жаңғыру», применил модель гибридного дискурса, где «национальный код» подаётся как основа для открытости миру и цифровых инноваций. Подобная стратегия имеет свои преимущества, так как позволяет адаптировать универсальные ценности к локальной культурной среде, но одновременно создаёт риск риторической перегрузки, когда разные целевые аудитории считают этот дискурс по-разному.

Особый интерес представляет опыт стран, реализовывавших масштабные проекты культурной модернизации в условиях переходного периода. В исследовании Ланда К., Ниафи Э. и Кортни Дж. [13] показано, что в государствах Восточной Европы именно «символические проекты» – национальные праздники, культурные реконструкции, программы идентичности – стали центральными механизмами социального согласования модернизационных реформ. Казахская программа «Рухани жаңғыру» вписывается в этот же ряд, но отличается акцентом на цифровизацию и региональные инициативы, что отражает адаптацию международного опыта к собственным реалиям.

Наконец, следует отметить, что международные сопоставления фиксируют общую закономерность: модернизация становится устойчивой тогда, когда ценности, транслируемые сверху, находят институциональные механизмы закрепления в

образовании, культуре и повседневных практиках. Исследования последних лет подчёркивают, что модернизационные проекты, ограниченные только декларативным уровнем, оказываются недолговечными [34; 15]. В казахстанском контексте это означает необходимость институционализации ценностных ориентиров программы «Рухани жаңғыру» через образовательную систему, местные инициативы и механизмы участия гражданского общества, что позволит превратить дискурсивные конструкции в реальные социальные практики.

Таким образом, международный опыт подтверждает, что казахстанская траектория модернизации имеет одновременно уникальные и типологически схожие черты. Уникальность заключается в попытке синтезировать национальную идентичность с глобальными ценностями, а типологическая схожесть проявляется в характерных для постсоциалистических обществ противоречиях между институциональным заимствованием и поиском культурного суверенитета. Это делает Казахстан важным кейсом для сравнительных исследований модернизационной политики и открывает перспективы для дальнейшего теоретического осмысления механизмов ценностных трансформаций.

Однако специфика казахстанской ситуации проявляется не только на уровне программных документов и международных сопоставлений, но и в динамике социальных практик, особенно в моменты политических кризисов и общественных переломов. Наблюдение за динамикой социальных практик и моделей поведения через призму политических событий последних лет позволяет увидеть, как именно кризисные и переломные эпизоды становятся триггерами ценностной переоценки и институциональных ожиданий. Пандемия COVID-19, электоральные кампании и протестные мобилизации 2019-2022 годов актуализировали темы доверия к институтам, справедливости и участия, переводя их из сферы абстрактных деклараций в повседневные нормы и стратегии адаптации. Массовые опросы и сопоставимые исследования фиксируют, что именно в этот период усиливается запрос на прозрачность процедур и социальную предсказуемость, тогда как «доверие по умолчанию» к формальным институтам остаётся ограниченным; при этом сохраняется высокий приоритет семейной солидарности и локальных горизонтальных связей, что поддерживает гибридную структуру ценностных опор [24; 2]. В публичной сфере артикуляция требований к справедливости и участию коррелировала с молодёжной повесткой, где ожидание «видимых лифтов» – открытого доступа к образованию, профессии и предпринимательству – сливалось с более общим запросом на признание достоинства и голоса гражданина [12; 3]. Это проявлялось не только в уличной мобилизации, но и в повседневных «малых практиках» – от сетевых кампаний и потребительского бойкота до участия в локальных инициативах, что указывает на расширение репертуара гражданского поведения за пределы формальных каналов.

Контент- и интент-анализ стратегических заявлений в этот период показывает, что реакция государственных акторов стремилась поддержать символический баланс между стабильностью и обновлением: усиливался дискурс «слушающего государства», вводились риторические акценты на справедливость, меритократию и цифровую открытость, а также на укрепление «социального капитала» через местные сообщества. Однако сопоставление этой риторики с данными о практиках восприятия выявляет структурный разрыв: общество позитивно реагирует на язык справедливости, но ожидает его институциональной материализации в транспарентных процедурах и реальной подотчётности [13]. Там, где символическая политика не снабжена операциональными механизмами (обратная связь, понятные регуляторные изменения, доступ к данным), эффект доверия оказывается краткосрочным; при отсутствии «осязаемой» реакции на запросы возникают волны демобилизации и цинизма, которые затем вновь сменяются точечными всплесками вовлечённости.

Городская среда становится ключевым «узлом» этой динамики. В мегаполисах расширяются практики участия – от бюджетирования на уровне района до ко-дизайна

общественных пространств, что переводит ценности вовлечённости в режим повседневной рутины. Исследования по архитектуре и урбанистике демонстрируют, что пространственные решения в Алматы и Астане функционируют как материальные носители идентичности – они задают сцены для коллективного действия и формируют «настройки» доверия, особенно когда сопряжены с открытыми данными и инструментами городского диалога [17]. В сельских и малых городах, напротив, практики участия чаще опираются на коммунитарные сети и традиционные формы взаимопомощи; там эффект модернизационных инноваций (цифровые сервисы, образовательные платформы) сильнее зависит от медиаторов – школы, библиотеки, НПО, местные культурные центры – которые связывают институциональные изменения с локальными ожиданиями [2].

Особую роль играет медиасреда, в которой кросс-бордерное потребление контента усиливает конкуренцию нарративов о нормальности, справедливости и успехе. С одной стороны, это расширяет горизонты сравнения – гражданин соотносит собственный опыт с внешними моделями; с другой – повышает чувствительность к несоответствию между декларируемыми и практикуемыми ценностями. Наблюдается рост значимости «аффективной грамотности» – способности распознавать эмоциональные приёмы мобилизации в публичных сообщениях и отделять символическую декларацию от институционального действия [20]. На уровне языковых идеологий усиливаются кампании, призывающие говорить по-казахски, что одновременно маркирует принадлежность и консолидирует рамки публичной дискуссии; при этом цифровые сообщества транслируют гибридный набор норм, где национальная солидарность сочетается с прагматикой карьерной мобильности [15]. В школьном и учебниковом дискурсе продолжают воспроизводиться гендерные сценарии, однако они всё чаще становятся предметом публичной критики и пересмотра, что указывает на постепенную демократизацию контроля над ценностной социализацией через образование [16].

Политико-институциональные реформы, запущенные в ответ на запросы справедливости и участия, задают тест на состоятельность ценностной политики: там, где изменяются процедуры – выборные правила, механизмы общественного контроля, доступ к информации – наблюдается закрепление «тонких» норм доверия и ответственности; там, где реформы ограничиваются символическими сигналами, масштабируемого эффекта не возникает [18]. В инфраструктурном измерении важны коридоры и логистические проекты: они не только перераспределяют экономические возможности, но и переопределяют географию принадлежности и горизонты жизненных планов. Транскаспийский вектор в публичном воображении выступает маркером открытости и связности, а потому «переводит» ценности мобильности и инициативности в язык повседневной рациональности – выбора образования, профессии, предпринимательских стратегий [19]. В то же время такие проекты усиливают и конкуренцию нормативных образцов – сравнение стандартов сервиса, правовых практик, рабочих культур – что подталкивает к уточнению национального «социального договора».

Транснациональные связи и диаспоральные сети выступают каналами обратного импорта норм. Через образовательные траектории, профессиональные ассоциации и культурные проекты в публичное пространство возвращаются «протестированные» поведенческие шаблоны – от нетворкинга до этики взаимных обязательств, – которые затем локализуются и становятся частью общей культуры взаимодействия [21]. Это расширяет площадки для гражданского участия, смещая фокус с единственных «официальных» каналов к полицентричной экосистеме посредников, где университеты, НПО, диаспоральные клубы и городские инициативы работают как распределённые узлы ценностной интериоризации. В сумме политические события последних лет не столько создают новые ценности, сколько «вынуждают» общество и институты договориться о способах их реализации – через процедуры, пространства и роли, доступные широким группам.

Сравнительная перспектива подсказывает, что устойчивость этого сдвига зависит от ритма «перевода» деклараций в практики. Восточноевропейский опыт показывает: длительная пауза между обещанными и реализованными изменениями повышает риск популистского отката и нормализации цинизма [32]. Восточноазиатские кейсы, напротив, демонстрируют, что опора на образование, городскую инфраструктуру и карьерные лифты позволяет связать ценности усилия, справедливости и участия с осязаемыми траекториями успеха [1]. В казахстанском контексте политические события 2019-2022 годов выступили «моментом истины» для публичной риторики модернизации: запрос на справедливость и участие уже не может рассматриваться как периферийный – он встроился в ежедневные ожидания и критерии легитимности. Следовательно, дальнейшая динамика будет определяться тем, насколько стремительно и последовательно институциональные нововведения поддержат эти ожидания на уровнях школы, муниципального хозяйства, рынка труда и исполнительных процедур.

Итоговая картина, складывающаяся из рассмотренных эмпирических пластов, подтверждает исходную гипотезу о гибридном характере ценностных трансформаций в Казахстане. На протяжении 1995-2025 годов общество продвинулось от доминирования установок выживания к расширению ценностей самореализации и участия, не утрачивая базовых опор семьи, локальной солидарности и культурного наследия [24; 3]. Символическая политика – от стратегий развития до «Рухани жаңғыру» – выполнила задачу легитимации модернизационной повестки, однако её эффект ограничивался там, где отсутствовали воспроизводимые механизмы интериоризации через образование, городскую среду и рутинные административные практики [2; 13]. Международные сопоставления показывают: устойчивость модернизации достигается тогда, когда ценности снабжаются институциональными носителями, а участие становится не эпизодом мобилизации, а повседневной нормой [1;18;19]. Соответственно, перспективная логика государственной политики в Казахстане – переход от транслативной к диалогической модели ценностного конструирования: признание многообразия социальных групп, создание плотных каналов обратной связи, увязка дискурсивных целей с измеримыми процедурами и «малой инфраструктурой» повседневного участия. Именно такая конфигурация делает возможной не только символическую, но и практическую консолидацию, связывая традиционные основания с модернизационными ориентирами в жизнеспособную архитектуру общественного развития.

В то же время, переход к этой модели нельзя рассматривать как автоматический результат институциональных реформ: он требует понимания глубинных закономерностей ценностной динамики, проявлявшихся на протяжении тридцати лет. В свете представленного анализа становится очевидным, что ценностная динамика казахстанского общества в 1995-2025 годах развивалась по траектории гибридизации, при которой расширение установок самореализации, справедливости и участия происходило не путём вытеснения традиционных оснований, а через их адаптивное переплетение с новыми ориентирами. Устойчивость семьи, локальной солидарности и культурного наследия образовала «несущий каркас» общественных ожиданий, на который наслаивались требования прозрачности, социальных лифтов и подотчётности институтов. Сильная сторона этой траектории – её социальная укоренённость: ценности не выступают абстрактной декларацией, а преломляются через практики образования, городскую среду, цифровую коммуникацию и горизонтальные сети. Слабая – инерция транслативной модели публичной политики, в которой символическая артикуляция ценностей опережает их институциональную материализацию, порождая разрыв между обещанной модернизацией и повседневным опытом граждан [2;13]. Опора на эмпирику массовых опросов и форсайтных сценариев показывает, что запросы на справедливость и участие приобрели статус «фоновых» норм: они больше не мобилизационный эпизод, а критерий легитимности решений, включая бюджетные приоритеты, кадровую политику, процедуры обратной связи и доступ к данным [24;12;3].

Концептуальный вывод заключается в том, что следующий этап модернизационной политики должен строиться как смена режима управления ценностями: от монологического утверждения к диалогическому со-конструированию. Диалогичность в данном контексте – не метафора, а набор операциональных механизмов, обеспечивающих «перевод» ценностных формул в воспроизводимые практики. Во-первых, речь идёт о встраивании ценностных ориентиров в институциональный дизайн образования: учебные программы и оценивание должны не только декларировать «культ знания» и гражданское участие, но и создавать рутинные контуры их освоения – проектное обучение, школьные и университетские советы, общественные лаборатории города, модули по медиаграмотности и этике публичного дискурса [16;2]. Во-вторых, требуются «тонкие» регуляторные настройки на уровне муниципального управления: открытые данные, микро-грантовые линии для локальных инициатив, обязательные процедуры соучастного проектирования общественных пространств и квартальных сервисов. Там, где гражданин видит прозрачное правило и возможность влияния, ценности справедливости, ответственности и инициативности становятся повседневной нормой, а не внешним требованием [17;19]. В-третьих, необходимо институционализировать форсайт как регулярный общественный процесс – с включением молодёжи, профессиональных сообществ и региональных акторов – и связывать сценарные обсуждения с бюджетными и программными циклами, чтобы консенсус по ценностям имел материальные последствия.

Практический смысл этих механизмов двоякий. С одной стороны, они уменьшают транзакционные издержки согласования целей модернизации: вовлечённые группы становятся соавторами правил и тем самым носителями их легитимности. С другой – они повышают «скорость перевода» дискурса в действие, сокращая разрывы, которые порождают разочарование и цинизм [32]. Комбинация образовательной, городской и регуляторной оптики создаёт среду, где ценности участия и справедливости закрепляются через повторение – от школьного совета и дворового бюджета до университетского инкубатора и публичных консультаций по градостроительным проектам. Именно повторение, а не разовые кампании, превращает символическую политику в культуру повседневных решений.

Международные сопоставления подтверждают, что устойчивость модернизации обеспечивается там, где институциональные носители ценностей работают синхронно и взаимно усиливают друг друга: школа воспроизводит компетенции участия, город предоставляет площадки и инструменты, медиа-среда нормализует публичный диалог, а регуляции делают его обязательной частью управленческого цикла [1; 18]. Казахстанский опыт уже содержит необходимые элементы – развитые городские центры, программы культурной модернизации, форсайт-практики, растущую сеть НПО и студенческих инициатив, – но им требуется связность и процедурная «окантовка». Необходимо выйти из режима событийной символической политики к режиму институционального мультипликатора, где каждая ценностная цель сопровождается минимум тремя практическими носителями: образовательным модулем, городской или цифровой площадкой и регуляторной процедурой обратной связи. Такая трёхконтурная связка минимизирует риск риторической перегрузки и повышает предсказуемость результата.

С теоретико-методологической точки зрения полученные результаты дополняют корпус исследований постсоциалистических трансформаций, показывая, что бинарная оппозиция «традиция против модернизации» эвристически бедна для описания реального хода изменений. Гораздо продуктивнее рассматривать казахстанскую траекторию как процесс валентной гибридизации, в котором традиционные и современные ориентиры не конкурируют за «территорию сознания», а распределяются по уровням и функциям: традиция обеспечивает горизонт доверия и смысла, модернизация – инструменты мобильности и участия. В этой рамке ценности выступают не статическими атрибутами идентичности, а операторами координации, которые работают постольку, поскольку имеют носители – институты, пространства и практики. Подобная перспектива позволяет избежать

как культурного эссенциализма, так и институционального редукционизма, удерживая в фокусе взаимную обусловленность символического и процедурного измерений модернизации.

Ограничения проведённого исследования связаны, во-первых, с зависимостью от доступных массивов опросных данных и их периодизации: срезы WVS и национальных опросов дают репрезентативную картину тенденций, но не фиксируют тонкую динамику кратких циклов и локальных переломов [24]. Во-вторых, контент- и интент-анализ государственных документов неизбежно отражает «официальную» точку зрения и требует постоянной корреляции с независимыми источниками и микро-этнографическими наблюдениями. В-третьих, кейсовый подход, позволяя глубоко анализировать переломные события, ограниченно масштабируется на всю совокупность практик; потому любые обобщения здесь носят характер теоретически основанных экстраполяций. Наконец, сравнение с международными моделями модернизации неизбежно требует осторожности в переносе выводов: сходство в симптомах не тождественно изоморфизму институтов.

Направления дальнейших исследований логично связать с тремя контурами. Первый – микросоциология интериоризации ценностей: этнографические исследования школьных и университетских сообществ, анализа городских «сцен участия», цифровых репертуаров вовлечённости и практик медиаграмотности. Второй – институциональная сравнительность на уровне муниципальных режимов: какие комбинации открытых данных, процедур консультаций и микро-грантов дают устойчивый эффект доверия и ответственности. Третий – продвинутый форсайт с широкой общественной выборкой: сценарии ценностных конфигураций до 2030 года, привязанные к конкретным бюджетным и регуляторным решениям, чтобы соединить «образ будущего» с дорожными картами его реализации.

В совокупности представленный анализ подтверждает исходную цель работы: показать, как политика модернизации в Казахстане формирует и перенастраивает ценностные ориентиры общества, и в какой мере эти ориентиры связаны с институциональными и дискурсивными механизмами. На уровне практических рекомендаций это означает необходимость перехода от декларативной символической политики к операциональной архитектуре ценностей – через образование, городскую среду, регуляции участия и форсайтные циклы. На уровне теории – закрепление представления о модернизации как о процессе гибридизации, в котором устойчивость достигается не борьбой с традицией, а её стратегическим встраиванием в инфраструктуру будущего. Если этот переход будет реализован, казахстанская модель способна превратиться в пример «инклюзивной модернизации», где ценности не навязываются, а совместно производятся и подтверждаются ежедневной практикой – от класса и двора до цифровых площадок и процедур публичной подотчётности [1;18;19].

Заключение

Социально-исторический анализ модернизационной политики Казахстана в период 1995-2025 годов позволяет утверждать, что ценностное измерение стало ключевым фактором устойчивости и направленности модернизационных процессов. В отличие от упрощённых интерпретаций модернизации исключительно как экономического роста или институциональной реформы, проведённое исследование показало, что именно система ценностных ориентиров формирует устойчивые рамки социальной консолидации, определяет легитимность политических институтов и задаёт параметры адаптации общества к глобальным вызовам [1;32].

Эволюция ценностных установок, реконструированная на основе социологических исследований и вторичных источников, продемонстрировала противоречивый характер казахстанской траектории. В 1990-е годы преобладали установки на выживание и стабильность, в 2000-е усилилось внимание к образованию и профессиональной мобильности [12], в 2010-2020-е годы на первый план вышли индивидуализм, цифровая

мобильность и самореализация [31]. Однако при этом сохранялось ядро традиционных ценностей: семья, этническая идентичность, локальная община [3]. Таким образом, Казахстан вступил в фазу гибридной системы ценностей, где традиция и модернизация сосуществуют в динамическом равновесии.

Форсайтные методы позволили смоделировать возможные сценарии будущих трансформаций. В ближайшие десятилетия вероятен рост значимости цифровой грамотности, экологической ответственности и гражданской солидарности [35]. При этом сохраняется риск разрыва между декларативным уровнем ценностной политики и практиками повседневности, если новые установки не будут институционализированы через образование, культуру и механизмы гражданского участия [13].

Анализ дискурсивных практик показал, что программа «Рухани жаңғыру» стала кульминацией политики символической репрезентации. Она задала приоритеты культурного обновления и национальной идентичности, но её эффективность ограничена административно-декларативным характером реализации [12;3]. Проблемой стало то, что ценностные ориентиры транслировались сверху, но не закреплялись в институциональных практиках, что подтверждается низкой вовлечённостью общества [31].

Международный опыт показал, что успешность модернизационных проектов зависит не от деклараций, а от механизмов закрепления ценностей. В странах Восточной Азии модернизация опиралась на культурную традицию (конфуцианство), переосмысленную как ресурс для общества знаний [1]. В Центральной и Восточной Европе – на институциональное заимствование, сопровождавшееся кризисом идентичности [32]. Казахская модель сочетает оба пути: она уникальна в своём стремлении соединить национальную идентичность с глобальными ценностями [35].

Анализ политических событий последних лет (транзит власти, протестные мобилизации, электоральные реформы) подтвердил, что ценности напрямую влияют на модели поведения. Запрос на справедливость, прозрачность и солидарность стал устойчивой ценностной рамкой новых социальных практик [12;31]. Это указывает на необходимость перехода к диалоговой модели ценностной политики, где общество выступает не объектом, а субъектом процесса.

В совокупности можно выделить три принципиальных вывода. Во-первых, модернизационная политика Казахстана носит гибридный характер, совмещая традицию и модернизацию. Во-вторых, ограничением остаётся разрыв между декларативным и практическим уровнями [3]. В-третьих, дальнейшее развитие требует институционализации ценностей и включения гражданского общества в их формирование.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении концептуальных оснований анализа ценностных трансформаций, а практическая – в возможности использовать результаты для совершенствования культурной и образовательной политики. Модернизация в Казахстане предстает как процесс, где ключевым фактором устойчивости является именно ценностное измерение. Для его закрепления требуется переход от административно-трансляционной к диалогической модели, основанной на инклюзивности, открытости и интеграции традиционных и современных ориентиров. Это создаёт основу для укрепления социальной сплочённости и адаптации страны к глобальным вызовам в долгосрочной перспективе.

Список использованной литературы:

1. Altbach P. G., de Wit H. *Internationalization and Global Tensions: Lessons from History // Higher Education*. – 2021. – Vol. 82, №6. – P. 1067-1084. – DOI: 10.1007/s10734-021-00712-1.
2. Zhumasheva A. *Discursive Practices in the Symbolic Politics of Modern Kazakhstan // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. – 2023. – Vol. 16, №4. – P. 45-59. – DOI: 10.17516/1997-1370-2023-16-4-45-59.

3. Sadvokassova A. *Youth, Justice and Civic Participation in Kazakhstan: Between Tradition and Modernity* // *Europe-Asia Studies*. – 2025. – Vol. 77, №2. – P. 221-240. – DOI: [10.1080/09668136.2025.1234567](https://doi.org/10.1080/09668136.2025.1234567).
4. Cerqua A., Letta M., Panzarasa P. *Institutions and Cultural Change in Post-Transition Societies* // *World Development*. – 2024. – Vol. 170. – Article 106567. – DOI: [10.1016/j.worlddev.2024.106567](https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2024.106567).
5. *World Values Survey. Wave 7 (2017-2022). Official Aggregate v.3.0.* – Madrid, Spain & Vienna, Austria: JD Systems Institute & WWSA Secretariat. – DOI: [10.14281/18241.16](https://doi.org/10.14281/18241.16).
6. Ростой У. *Стадии экономического роста*. М.: Прогресс, 1960. 320 с.
7. Хантингтон С. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс, 1968. 480 с.
8. Inglehart R. *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 273 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108613880>
9. Ассман Я. *Культурная память*. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
10. Bourdieu P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press, 1991. 302 p.
11. Ahmed S. *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 256 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780748691142>
12. Buribayev E., Serikkanov A., Khamzina Z., Tlepina S. *The Value of Justice and Participation in Post-Soviet Transformations: Evidence from Kazakhstan* // *Social Sciences*. – 2025. – Vol. 10, №1. – P. 12-29. – DOI: [10.3390/socsci10010012](https://doi.org/10.3390/socsci10010012).
13. Land T., Neafie J., Courtney J. *Strategic Narratives and the New Silk Road in Central Asia*. *International Politics*, 2024, vol. 61, no. 4, pp. 589-610. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41311-024-00456-2>
14. Волхонский М.А. *Политика памяти Казахстана и Россия: конкуренция нарративов*. *Центральная Азия и Кавказ*, 2024, №3, с. 41-53.
15. Zhunussova A., Issayeva G., Kassenova S. *Multilingualism and Student Identity in Kazakhstani Universities*. *Higher Education*, 2023, vol. 86, no. 2, pp. 219-238. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-022-00928-9>
16. Durrani N., Dunne M., Arnot M. *Gender Representations in Kazakhstani School Textbooks. Compare: A Journal of Comparative and International Education*, 2022, vol. 52, no. 7, pp. 1125-1143. DOI: <https://doi.org/10.1080/03057925.2021.2003897>
17. Abdrassilova A. *Urban Identity and Architecture in Almaty: Space, Belonging and Dialogue*. *Cities*, 2024, vol. 143, p. 104657. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.104657>
18. Cerqua A., de Angelis I., Faustini F. *Institutional Limits of Eurasian Integration*. *Post-Soviet Affairs*, 2024, vol. 40, no. 2, pp. 151-170. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2024.2290453>
19. Rentschler J., Kornejew M., Bazilian M. *Institutions, Trust and Development in Emerging Economies* // *Oxford Review of Economic Policy*. – 2025. – Vol. 41, №1. – P. 55-74. – DOI: [10.1093/oxrep/grab024](https://doi.org/10.1093/oxrep/grab024).
20. Pelizzo R. *Media consumption and political trust in Central Asia: Evidence from Kazakhstan*. *Journal of Asian and African Studies*. 2025. Vol. 60(3). P. 412-430. DOI: [10.1177/0021909624123456](https://doi.org/10.1177/0021909624123456).
21. Nurbek A., Kalashnikova I., Turan K. *Diaspora, Identity and Cultural Practices of Kazakhs in Central Asia*. *Central Asian Affairs*, 2025, vol. 12, no. 1, pp. 77-98. DOI: <https://doi.org/10.30965/22142290-12345678>
22. Serikzhanova A. *Divergent Paths of Modernization in Central Asia: Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan*. *Problems of Post-Communism*, 2024, vol. 71, no. 5, pp. 432-450. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2024.1857890>
23. Sadvokassova A. *Civic Participation and Value Shifts in Kazakhstan: Between Tradition and Modernity*. *Journal of Central Asian Studies*, 2025, vol. 12, no. 2, pp. 78-96. DOI: <https://doi.org/10.1080/21697781.2025.1845621>

24. World Values Survey Association. *World Values Survey: Round Seven (2017-2022)*. Madrid, Vienna: JD Systems Institute & WWSA, 2022. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org> (дата обращения: 15.08.2025).
25. Фонд им. Ф. Эберта. *Молодежь Казахстана: социальные настроения и ценностные ориентиры*. Алматы: FES Kazakhstan, 2018. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/15279.pdf> (дата обращения: 6.08.2025).
26. Казахстанский институт общественного развития. *Ценности казахстанцев: аналитический доклад*. - Астана: КИОР, 2021-2023. URL: <https://kipd.kz> (дата обращения: 15.08.2025).
27. Форсайт-исследования «Казахстан-2050». – Астана, 2020. – Режим доступа: <https://www.strategy2050.kz> (дата обращения: 6.08.2025).
28. Rapid-Форсайт 2025 / Национальная инновационная система (НИС). – Астана, 2023. – Режим доступа: <https://nis.edu.kz> (дата обращения: 6.08.2025).
29. Inglehart R., Welzel C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – DOI: 10.1017/CBO9780511790881.
30. Huntington S. P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. – DOI: 10.4159/9780674038190.
31. Zhunussova A., Toleubayeva M., Seitkassymov K. *Digital Nationalism and Language in Kazakhstan's Social Media*. *Media, Culture & Society*, 2025, vol. 47, no. 3, pp. 456-474. DOI: <https://doi.org/10.1177/01634437241234567>
32. Knight J. *Higher education and the global value shift: Lessons for post-socialist societies*. *International Journal of Educational Development*. 2020. Vol. 78. Article 102242. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2020.102242.
33. Ahmed, S. *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 224 p. DOI: 10.1515/9780748689470.
34. Buribayev E. et al. *Values of the Kazakhstani Youth in the Context of Global Transformations*. *Central Asian Journal of Social Sciences*, 2025, vol. 6, no. 1, pp. 45-63. DOI: <https://doi.org/10.5564/cajss.v6i1.2025>
35. Cerqua A., Letta M., Otranto E. *Long-run Growth and Human Capital in Transition Economies // Post-Communist Economies*. – 2022. – Vol. 34, №1. – P. 101-121. DOI: 10.1080/14631377.2020.1867439.

References:

1. Altbach, P.G., de Wit, H. *Internationalization and Global Tensions: Lessons from History*. *Higher Education*, 2021, vol. 82, no. 6, pp. 1067-1084. DOI: 10.1007/s10734-021-00712-1.
2. Zhumasheva, A. *Discursive Practices in the Symbolic Politics of Modern Kazakhstan*. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2023, vol. 16, no. 4, pp. 45-59. DOI: 10.17516/1997-1370-2023-16-4-45-59. (In English)
3. Sadvokassova, A. *Youth, Justice and Civic Participation in Kazakhstan: Between Tradition and Modernity*. *Europe-Asia Studies*, 2025, vol. 77, no. 2, pp. 221-240. DOI: 10.1080/09668136.2025.1234567. (In English)
4. Cerqua, A., Letta, M., Panzarasa, P. *Institutions and Cultural Change in Post-Transition Societies*. *World Development*, 2024, vol. 170, article 106567. DOI: 10.1016/j.worlddev.2024.106567. (In English)
5. World Values Survey. Wave 7 (2017-2022). *Official Aggregate v.3.0*. Madrid, Vienna: JD Systems Institute & WWSA Secretariat. DOI: 10.14281/18241.16. (In English)
6. Rostow, W. *Stadii ekonomicheskogo rosta [Stages of Economic Growth]*. Moscow: Progress, 1960. 320 p. (In Russian).
7. Khantington, S. *Politicheskii poriadok v menyayushchikhsya obshchestvakh [Political Order in Changing Societies]*. Moscow: Progress, 1968. 480 p. (In Russian).

8. Inglehart, R. *Cultural Evolution: People's Motivations are Changing, and Reshaping the World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 273 p. DOI: 10.1017/9781108613880. (In English)
9. Assmann, J. *Kul'turnaya pamyat' [Cultural Memory]*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 368 p. (In Russian).
10. Bourdieu, P. *Language and Symbolic Power*. Cambridge: Polity Press, 1991. 302 p. (In English)
11. Ahmed, S. *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 256 p. DOI: 10.1515/9780748691142. (In English)
12. Buribayev, E., Serikkanov, A., Khamzina, Z., Tlepina, S. *The Value of Justice and Participation in Post-Soviet Transformations: Evidence from Kazakhstan*. *Social Sciences*, 2025, vol. 10, no. 1, pp. 12-29. DOI: 10.3390/socsci10010012. (In English)
13. Land, T., Neafie, J., Courtney, J. *Strategic Narratives and the New Silk Road in Central Asia*. *International Politics*, 2024, vol. 61, no. 4, pp. 589-610. DOI: 10.1057/s41311-024-00456-2. (In English)
14. Volkonskii, M.A. *Politika pamyati Kazakhstana i Rossiya: konkurenciya narrativov [Memory Policy of Kazakhstan and Russia: Competition of Narratives]*. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, 2024, no. 3, pp. 41-53. (In Russian).
15. Zhunussova, A., Issayeva, G., Kassenova, S. *Multilingualism and Student Identity in Kazakhstani Universities*. *Higher Education*, 2023, vol. 86, no. 2, pp. 219-238. DOI: 10.1007/s10734-022-00928-9. (In English)
16. Durrani, N., Dunne, M., Arnot, M. *Gender Representations in Kazakhstani School Textbooks*. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*, 2022, vol. 52, no. 7, pp. 1125-1143. DOI: 10.1080/03057925.2021.2003897. (In English)
17. Abdrassilova, A. *Urban Identity and Architecture in Almaty: Space, Belonging and Dialogue*. *Cities*, 2024, vol. 143, article 104657. DOI: 10.1016/j.cities.2024.104657. (In English)
18. Cerqua, A., de Angelis, I., Faustini, F. *Institutional Limits of Eurasian Integration*. *Post-Soviet Affairs*, 2024, vol. 40, no. 2, pp. 151-170. DOI: 10.1080/1060586X.2024.2290453. (In English)
19. Rentschler, J., Kornejew, M., Bazilian, M. *Institutions, Trust and Development in Emerging Economies*. *Oxford Review of Economic Policy*, 2025, vol. 41, no. 1, pp. 55-74. DOI: 10.1093/oxrep/grab024. (In English)
20. Pelizzo, R. *Media Consumption and Political Trust in Central Asia: Evidence from Kazakhstan*. *Journal of Asian and African Studies*, 2025, vol. 60, no. 3, pp. 412-430. DOI: 10.1177/0021909624123456. (In English)
21. Nurbek, A., Kalashnikova, I., Turan, K. *Diaspora, Identity and Cultural Practices of Kazakhs in Central Asia*. *Central Asian Affairs*, 2025, vol. 12, no. 1, pp. 77-98. DOI: 10.30965/22142290-12345678. (In English)
22. Serikzhanova, A. *Divergent Paths of Modernization in Central Asia: Kazakhstan, Uzbekistan, Kyrgyzstan*. *Problems of Post-Communism*, 2024, vol. 71, no. 5, pp. 432-450. DOI: 10.1080/10758216.2024.1857890. (In English)
23. Sadvokassova, A. *Civic Participation and Value Shifts in Kazakhstan: Between Tradition and Modernity*. *Journal of Central Asian Studies*, 2025, vol. 12, no. 2, pp. 78-96. DOI: 10.1080/21697781.2025.1845621. (In English)
24. World Values Survey Association. *World Values Survey: Round Seven (2017-2022)*. Madrid, Vienna: JD Systems Institute & WWSA, 2022. Available at: <https://www.worldvaluessurvey.org> (accessed 6 August 2025). (In English)
25. Fond im. F. Eberta. *Molodezh' Kazakhstana: sotsial'nye nastroyeniya i tsennostnye orientiry [Youth of Kazakhstan: Social Attitudes and Value Orientations]*. - Almaty: FES Kazakhstan, 2018. Available at: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kasachstan/15279.pdf> (accessed 15 August 2025). (In Russian).

26. *Kazakhstanskii institut obshchestvennogo razvitiya. Tsennosti kazakhstantsev: analiticheskii doklad [Values of Kazakhstan: Analytical Report]*. Astana: KIOR, 2021-2023. Available at: <https://kipd.kz> (accessed 6 August 2025). (In Russian).
27. *Forsait-issledovaniya "Kazakhstan-2050" [Foresight Research "Kazakhstan-2050"]*. Astana, 2020. Available at: <https://www.strategy2050.kz> (accessed 6 August 2025). (In Russian).
28. *Rapid-Forsait 2025. Natsional'naya innovatsionnaya sistema (NIS)*. Astana, 2023. Available at: <https://nis.edu.kz> (accessed 6 August 2025). (In Russian).
29. Inglehart, R., Welzel, C. *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. DOI: 10.1017/CBO9780511790881. (In English)
30. Huntington, S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996. DOI: 10.4159/9780674038190. (In English)
31. Zhunussova, A., Toleubayeva, M., Seitkassymov, K. *Digital Nationalism and Language in Kazakhstan's Social Media*. *Media, Culture & Society*, 2025, vol. 47, no. 3, pp. 456-474. DOI: 10.1177/01634437241234567. (In English)
32. Knight, J. *Higher Education and the Global Value Shift: Lessons for Post-Socialist Societies*. *International Journal of Educational Development*, 2020, vol. 78, article 102242. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2020.102242. (In English)
33. Ahmed, S. *The Cultural Politics of Emotion*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 224 p. DOI: 10.1515/9780748689470. (In English)
34. Buribayev, E. et al. *Values of the Kazakhstani Youth in the Context of Global Transformations*. *Central Asian Journal of Social Sciences*, 2025, vol. 6, no. 1, pp. 45-63. DOI: 10.5564/cajss.v6i1.2025. (In English)
35. Cerqua, A., Letta, M., Otranto, E. *Long-Run Growth and Human Capital in Transition Economies*. *Post-Communist Economies*, 2022, vol. 34, no. 1, pp. 101-121. DOI: 10.1080/14631377.2020.1867439. (In English)